

Отзыв

**официального оппонента о диссертации Ивановой Галины Петровны
«Полипредикативные конструкции в сибирском говоре вепсского языка
(в сопоставлении с пондальским говором средневепсского диалекта вепсского языка
и другими прибалтийско-финскими языками)»,**

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Диссертационная работа Галины Петровны Ивановой, посвященная изучению структуры, семантики и функционирования полипредикативных конструкций в сибирском говоре вепсского языка в сопоставительном аспекте, представляет собой пример качественно проведенного исследования и профессионально выполненного описания.

Автор четко формулирует объект, предмет и цель исследования, определяет ряд хорошо продуманных задач, последовательное решение которых в конечном итоге приводит к достижению поставленной цели.

Первая глава «Статус языка сибирских вепсов и теоретические основы описания полипредикативных конструкций» начинается с подробной характеристики социолингвистической ситуации в вепсском языке на территории Сибири в диахронном и синхронном аспектах. Заслуживает внимания тот факт, что социолингвистический анализ в значительной степени базируется на материалах, полученных Галиной Петровной в семи экспедициях в места проживания вепсов. В работе приведены убедительные доводы в пользу того, что сибирский говор является самостоятельным идиомом, входящим в восточную группу говоров средневепсского диалекта. Диалектное членение вепсского языка с уточнением, внесенным автором диссертации, представлено на Схеме 2 (с. 24; ср. со схемой 1 на с. 11).

Далее рассматриваются финитные и инфинитные (3 инфинитива и 3 причастия) формы вепсского глагола и их синтаксические функции; формулируются критерии, на основе которых выделяются структурные типы полипредикативных конструкций: 1) способ выражения сказуемого зависимой предикативной единицы (ЗПЕ) (финитная или инфинитная форма глагола); 2) характер показателя связи (аналитический или синтетический); 3) форма выражения субъекта ЗПЕ; 4) линейный порядок главной (ГПЕ) и зависимой частей.

Некоторое недоумение вызывают выводы после 1 главы, которые содержат, по сути, только краткое изложение теории полипредикации, разработанной представителями новосибирской синтаксической школы, хотя глава посвящена далеко не только этому.

Во **второй главе** описаны структурные типы полипредикативных конструкций вепсского языка: монофинитные синтетические и бифинитные аналитические, которые преобладают в языке как сибирских, так и европейских вепсов. Аналитико-синтетический тип ППК, по результатам исследования, в сибирском и пондальском говорах средневепсского диалекта не представлен.

В изучаемых вепсских монофинитных ППК функцию зависимого предиката выполняют 3 инфинитива (при этом II-й инфинитив может иметь форму инессива, а III-й – оформляться аффиксами 5 падежей). Для каждой формы описаны условия функционирования (напр., употребление с глаголами определенных лексико-семантических групп в позиции главного предиката), возможность и особенности употребления в моно- и разносубъектных конструкциях, позиция в предложении, а также разновидности выражаемой

семантики (цель, причина, временные значения, образ действия). Структурные особенности исследуемых конструкций зафиксированы в формулах моделей.

Наряду с описанием структуры и семантики конструкций регулярно указывается наличие и частотность их употребления в речи сибирских и пондальских вепсов. При этом учитывается, используются ли конструкции в устной речи, встретились только в письменных источниках или были выявлены при работе с информантами. Список структурных типов зависимых предикатов, выраженных причастиями, приведен в Таблице 1 (с. 80), отражающей различия в составе этих предикатов и их функционировании в сибирском и пондальском говорах.

Причастия (2 активных и пассивное) функционируют, как и следовало ожидать, в определительных и обстоятельственных ППК. Анализ показал, что вепские причастия играют роль определения только к подлежащему или прямому дополнению в составе ГПЕ, согласуясь с определяемым существительным в падеже и числе. Позиции косвенного дополнения и обстоятельства в причастных конструкциях вепского языка не релятивизируются. Из причастных обстоятельственных ППК в вепском языке представлена лишь моносубъектная конструкция со значением следования, которая строится на базе пассивного причастия с застывшим суффиксом паритива *-d*.

Последовательное сопоставление состава и функционирования ППК с инфинитивами и причастиями в роли зависимого предиката в вепском и других прибалтийско-финских языках показало, что во всех этих языках сохраняются монофинитные синтетические конструкции, исконные для языков урало-алтайской типологической общности, но количество форм и образуемых на их базе конструкций, их употребительность, спектр передаваемых ими отношений варьируют. Результаты сравнительного анализа отражены в таблицах (Таблица 2. «Причастия в вепском и финском языках и передаваемые ими отношения» (с. 100); Таблица 3. «Инфинитивы в прибалтийско-финских языках и передаваемые ими типы отношений» (с. 111)), которые удачно иллюстрируют выводы автора.

При рассмотрении бифинитных ППК пристальное внимание уделяется конструкциям с лексическими показателями связи. Описание построено на базе классификации скреп, предложенной М. И. Черемисиной и Т. А. Колосовой [1987]. Автор скрупулезно анализирует одноместные (однокомпонентные и многокомпонентные) и неодноместные скрепы вепского языка, указывая передаваемую ими семантику (сочинительные и подчинительные отношения, их разновидности), сферу функционирования (простое или сложное предложение) и отмечая процессы формирования новых скреп на базе существующих (исконных и заимствованных). Итогом этой части исследования является структурно-семантическая классификация аналитических скреп вепского языка, охватывающая более 50 союзных скреп разной семантики (Таблица 4, с. 127-128), а сравнение союзных средств в прибалтийско-финских языках резюмируется в Таблице 5 (с. 131-132).

Третья глава посвящена детальному исследованию функционально-семантических типов ППК: диктум-диктумного, модус-диктумного и релятивного.

Описание функционально-семантических типов предваряется изложением сути выражаемых отношений в интерпретации разных исследователей, и всякий раз автор четко обозначает свою позицию по рассматриваемому вопросу.

В рамках каждого описываемого функционально-семантического поля (ФСП) выделяются ядерные и периферийные зоны, и внутри каждой зоны детально исследуются семантические типы (например, семантические типы уступительных отношений в рамках ФСП обусловленности). При этом последовательно выделяются конструкции, которые

передают базовые для соответствующего ФСП смыслы, и конструкции с семантикой, совмещающей семы смежных ФСП (так, среди собственно-уступительных конструкций выделяются причинно-уступительные, условно-уступительные (потенциальные и ирреальные) и генерализованные (альтернативно-уступительные и обобщённо-уступительные)).

В тексте методично проводится сопоставление способов и средств выражения разных синтаксических отношений в сибирском и пондальском говорах с учетом спектра параметров: моно-/разносубъектность, линейное расположение частей ППК, позиция инфинитивной формы в зависимости от моно-/разносубъектности и т.д.; называются типичные и нетипичные функции глагольных форм и аналитических показателей; отмечается соотношение исконных и заимствованных (лексические заимствования и кальки) средств выражения того или иного типа отношений как в вепсском языке в целом, так и с учетом различий в сопоставляемых диалектах; регулярно указывается (в том числе в сопоставительном плане) частотность конструкций, их употребительность в устной или письменной речи. Постоянно учитывается зависимость выражения синтаксических смыслов от определенных лексико-семантических групп предикатов (напр., все инфинитивные формы для передачи целевой семантики требуют сочетания с глаголами движения и акциональными глаголами (с. 181)), уделяется должное внимание влиянию контекста на функционирование глагольных форм и аналитических средств.

В целом семантический анализ выполнен тщательно и убедительно, однако в некоторых случаях возникают вопросы по поводу интерпретации семантики исследуемых конструкций. Некоторое удивление вызывает то, что автор не учитывает значение негативной причины, относя соответствующие случаи к общей причине, например, во фразе № 288 (с. 170) *Päliči seda miše sina vüuki ed keranukso mö voim em ehttä avtobusalo*. ‘Из-за того, что ты ещё не собрался, мы можем опоздать на автобус.’ Даже если бы союз *pälič seda miše* ‘из-за того что’ передавал нейтральное значение причины, а негативный смысл создавался контекстом, семантику конструкции стоило бы обозначить точнее.

Представляется не вполне обоснованным деление изъяснительных конструкций на собственно-изъяснительные и косвенно-вопросительные. С одной стороны, среди фраз иллюстрирующих собственно-изъяснительные ППК, встретила конструкция *En teda, kut lapsid kazvatada* ‘Не знаю, как детей вырастить.’ (№ 495, с. 242), которая, если опираться на данное в работе определение, должна квалифицироваться как косвенно-вопросительная, т.к. содержит в ЗПЕ косвенный вопрос: Как детей вырастить? С другой стороны, косвенный вопрос трактуется широко: косвенно-вопросительные ППК представлены примером № 499 *Iče hän ii mušta mida tegi eglai ehtkoizüu*. ‘Он сам не помнит, что делал вчера вечером.’ (с.244). Сравним классический косвенный вопрос: *Он спросил, куда я иду*.

Однако различие между двумя типами изъяснительных конструкций действительно есть: если судить по примерам, те, что названы, косвенно-вопросительными, включают в качестве скрепы союзные слова, в отличие от собственно-изъяснительных, в которых роль скрепы играют союзы.

Небольшое замечание касается семантических типов релятивных ППК в вепсском языке. Опираясь на классификацию, предложенную в Грамматике современного русского литературного языка [1970], автор выделяет качественно-определятельные, выделятельно-определятельные и отождествительные конструкции. При этом, к сожалению, не учитывается весьма важный для определятельных конструкций параметр: существенное влияние на семантику конструкции оказывает наличие или отсутствие референциального тождества между участниками ситуаций, описываемых главной и зависимой частями. Как следствие, в рамках качественно-определятельных не дифференцируются конструкции типа

Hän eli pertiš stroitud tatau. 'Он жил в доме, который построил отец.' (№ 522, с. 254), где референциальное тождество налицо, и конструкции типа *Osta mini lidnas paik, miččen Katälo toi hänon poig.* 'Купи мне в городе платок, **какой** Кате привёз её сын.', в которых референциальное тождество очевидно отсутствует. В монографии «Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем» [1986] для конструкции последней разновидности предложен удачный термин «сравнительно-определятельные».

При том что в целом текст рукописи оформлен грамотно и аккуратно, к нему есть некоторые **замечания технического характера**.

Не все источники, которые указаны в тексте, включены в список литературы: Мельчук 1998, Недялков, Отаина 1987 (с. 136), Типология... 2009 (с. 137), Бондарко 1968, Беличева-Кржижкова 1985 (с. 167), Зайцева М. И. 1986 (с. 193), Черемисина, Шамина 1996 (с. 222; в списке только работа 2004 г.), Черемисина 2001 (с. 247), Keenan 1985; Keenan, Comrie 1977, Malchukov 1996 (с. 248), Есипова 1993 (с. 249).

Встречаются сокращения и условные обозначения, которые не учтены в списке (Приложение 1, с. 274): N_{ACT} (с. 78), CONT (с. 142), TEMP, ASP (с. 148), LEX^{MOD} (с. 244).

В некоторых случаях в глоссах условные обозначения написаны русскими буквами (№ 127 на с. 89, № 134 на с. 91), кроме того, в них иногда встречаются опечатки. В примере № 1 на с. 40: *nuizo=m* 'вставать=**Pr/3PI**'; *=m* – показатель 1 л. мн.ч., а не 3; то же в примере № 82 на с. 75). В примере № 28 на с. 51 перепутаны строчки.

Время от времени примеры не соответствуют описываемому явлению: на с. 116 речь идет о союзе *ku*, а пример № 197 иллюстрирует употребление союза *kuti* (ср. также № 122 на с. 124); на с. 191 приводятся средства выражения цели, пример № 353 с союзом *što* 'что' переводится 'Я не надел шапку, потому что сейчас тепло' (в данном случае не вполне понятно, приведен ли некорректный пример или дан неточный перевод).

Оценивая работу в целом, необходимо еще раз подчеркнуть, что она выполнена на высоком профессиональном уровне. Перед нами интересное, основательное, самостоятельное исследование. Автору диссертации удалось всесторонне изучить систему полипредикативных конструкций сибирского говора вепсского языка и провести последовательное и качественное сопоставление с системами ППК в материнском, пондальском говоре вепсского языка и в других прибалтийско-финских языках. При этом выявлены и показаны особенности вепсского языка на фоне общей картины ППК в языках прибалтийско-финской группы.

Безусловным достоинством представленной рукописи является рациональная организация текста: его четкая структура, выводы в конце глав, которые обобщают сказанное, не повторяя, и промежуточные итоги, завершающие смысловые фрагменты текста (напр., с. 165-166, в конце пункта 1. Темпоральные ППК), наличие необходимых карт (с. 6, 7), схем (с. 11, 24), таблиц (с. 8, 9, 80, 100, 111, 127, 131, 194, 205) и приложений (5 шт.). Заключение полно и качественно отражает результаты проведенного исследования. Работа характеризуется цельностью, ясностью изложения, являя собой достойный образец научного стиля без ненужного усложнения и неуместного нагромождения терминов. Автору удастся просто и понятно объяснить суть исследуемых явлений, в том числе, когда речь идет о весьма тонких оттенках семантики (например, когда описываются нюансы условных или уступительных отношений).

Г. П. Иванова последовательно и убедительно аргументирует все предлагаемые решения, а потому обоснованность научных положений, сформулированных в диссертации,

не вызывает сомнения. Достоверность выводов подкрепляется солидной базой примеров (5 000), собранных из разных источников: это и результаты проведенного автором во время лингвистических экспедиций анкетирования информантов (2 000 примеров), и фразы из текстов разных жанров.

Автореферат и другие публикации автора адекватно отражают содержание диссертации.

Актуальность избранной темы не вызывает сомнения, поскольку определяется рядом причин: число носителей вепсского языка стремительно сокращается, при этом вепсский язык в целом и его синтаксис в частности изучены недостаточно, на этом фоне было бы непростительно не зафиксировать интересную языковую ситуацию (функционирование изолированного дочернего говора на большом расстоянии от материнского).

Новизна работы состоит, в частности, в исследовании полипредикативных конструкций вепсского и других прибалтийско-финских языков на основе теории полипредикативного синтаксиса. Кроме того, исследование вносит вклад в описание синтаксиса вепсского языка, восполняя существовавшие до сих пор лакуны, вводит в научный оборот материалы сибирского говора, а сопоставительное изучение сибирского и пондальского говоров на всех уровнях языковой системы позволило уточнить картину диалектного членения вепсского языка.

Что касается **практического применения** результатов работы, то они, как и представленный языковой материал, могут быть использованы в сравнительных и типологических исследованиях, а также при составлении учебников по вепсскому языку и разработке вузовских курсов по прибалтийско-финскому языкознанию.

Из сказанного выше однозначно следует, что диссертационная работа Г. П. Ивановой полностью соответствует критериям, установленным «Положением о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий», а ее автор, вне сомнения, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук.

20 апреля 2015 г.

Елена Витальевна Ковган,
доцент кафедры истории
и типологии языков и культур
Новосибирского государственного
университета,
кандидат филологических наук,
доцент

Почтовый адрес:
630060, г. Новосибирск,
ул. Экваторная, 11, кв. 28

Электронный адрес:
kev0702@rambler.ru

Телефон:
рабочий: +7 (383) 363-41-85
мобильный: +7-913-471-27-14

